

Мастер советской эстрады

Не многие зрители задумываются над тем, что конференсье тоже создает свой сценический образ. Конференсье — один из сложных жанров эстрадного искусства, и часто артисту, ведущему программу, не удается найти характер, создать интересный образ.

Но те, кто сумел создать свою, творчески — индивидуальную манеру общения со зрителями, органически входящую в концертное представление, — те становятся добрыми друзьями, советчиками зрителей, и встреча с ними, их «руководство» отдыхом воспринимаются благожелательно.

Когда на эстраду выходит чуть улыбающийся, радужный и гостеприимный хозяин сцены Муравский, зрители и в самом деле чувствуют себя у него как бы в гостях. Он непринужденно беседует со сцены, и это совсем не похоже ни на чтение выученного наизусть текста, ни на декламацию вступительного фельетона, ни тем более на пафосное произнесение шаблонных приветствий.

Смеющиеся молодые глаза, немножко скептическая и чуть задорная улыбка, и за всем этим — трудный, многолетний жизненный и сценический путь, который сделал артиста Муравского одним из популярных мастеров советской эстрады.

Когда смотришь на старую, уже поблекшую от времени фотографию Муравского, в памяти встают предреволюционные годы. Тогда получили широкое распространение упадочные течения в искусстве, происходило резкое снижение его идейного уровня, расцветали «легкие

жанры», возникало громадное количество театров-миниатюр. Это о них театральные рецензенты того времени писал: «Театры миниатюр начинают конкурировать с кинематографами», в них «забегавший в калосах и пальто может перехватить

жюмку театрального удовольствия». В одном из таких маленьких театриков на Садовой улице, носившем декадентское название «Летучая мышь», ежевечерне выступал Петр Муравский.

На эстраду выходил молодой человек в модном клетчатом костюме,

котелке набекрень, с традиционной хризантемой в петлице. Вставив для большей элегантности монокль, подвешенный на черном шелковом шнурке, артист обращался к публике: «Рекомендуюсь! Я фланёр!»

Не совсем умело, хотя порой и смешно, рассказывал артист о падении нравов, о спекулянтах, расплодившихся тогда в Петрограде, пересыпая все это скабрёзными анекдотами. «Обличительное» направление репертуара наивно сочеталось с фатовским обликом, клетчатым пиджачком и «салонными» манерами. И хотя кое в чем звучали искренние ноты возмущения, молодому артисту приходилось принаравливаться к вкусам буржуазной публики.

Однако вскоре молодой артист был призван в армию. Революция застала его в автороте, стоявшей на Петроградской стороне в цирке «Модерн». Там ему, далекому от политики, не понявшему еще смысла и значения социалистических преобразований, впервые посчастливилось услышать великого вождя. В здании цирка в 1917 году на многолюдных митингах неоднократно выступал В. И. Ленин.

Эстраде стали отныне предъявляться те же требования, как и всем другим областям искусства. Теперь перед ней стояли сложные и новые для нее агитационные и воспитательные задачи. Нужно было в бедном арсенале «малых форм» искать средства для выражения злободневных и волнующих народ вопросов, не потеряв вместе с тем умения острой шуткой вызвать искренний смех, развеселить зрите-

ля. А зрители пришли иные, и других шуток и песен они ждали со сцены.

Только наиболее талантливые артисты старой эстрады сумели найти свое место в большой семье советского искусства. Муравский был одним из первых, завоевавших по праву почетное звание артиста советской эстрады. В Ленинграде нет, пожалуй, клуба, дома культуры, театра, парка, в котором Муравский не открывал бы очередной или экстраординарный концерт.

Особенно запомнился ему осенний вечер 1930 года, когда в Выборгском доме культуры собрались на деловое совещание колхозники области. За кулисами после заседания к Муравскому подошел человек, одетый в простую гимнастерку, и поинтересовался, будет ли концерт хорошим, веселым. Это был С. М. Киров, любивший искусство и хорошо знавший каждого работника искусств Ленинграда.

...В 1939 году группа ленинградских артистов во главе с Н. К. Черкасовым вслед за частями Красной Армии-освободительницы прибыла в Западную Белоруссию. Первый концерт на освобожденной земле. Волнуются зрители и еще больше — артисты. Черкасов, Бабочкин, Вельтер, Вольф-Израэль, Орлов, Нечаев, Балабина, Карпов с особой ответственностью готовятся к этому выступлению. Ведь они первые советские люди, которых услышат, увидят здесь. И вдруг выясняется, что рояль совершенно испорчен, отсырел, многие струны оборваны. И тогда Муравский, выйдя на сцену, неожиданно для самого себя сказал: «Рояль испорчен. Какая у вас была власть, такая была и музыка! Но концерт все же состоится». Несколько настороженный до этого момента

зрительный зал мгновенно разразился бурными аплодисментами и дружескими возгласами.

Сложный и во многом противоречивый путь прошел Муравский за полвека своей сценической деятельности. Нередко он ошибался, в пылу полемического задора терял чувство меры и такта, но всегда сохранял главное: правдивость и непосредственность в общении со зрительным залом. Он первым из советских конференсье вышел на сцену в образе «своего парня», и ему верили, когда он меткими репликами развенчивал выступавшую бывшую аристократку, роль которой исполняла О. Д. Нехлюдова. Проблема показа положительного героя на эстраде по сей день решается недостаточно слабо, и очень жаль, что ценный опыт Муравского, создавшего в свое время интересный образ конференсье-«слесаря», забыт и никем не продолжен.

Природное остроумие, обаяние, находчивость — все это качества, необходимые для настоящего конференсье. К сожалению, они слишком часто подменяются на эстраде заученными остротами, оторванными от программы интермедиями с текстами, лишенными и тени живой импровизации. Муравский, пожалуй, почти единственный на эстраде артист, который умеет разговаривать со зрительным залом, непосредственно общаться с аудиторией, мгновенно реагировать на любую неожиданно обращенную к нему реплику.

Вот Муравский выходит на эстраду с гитарой. В его руках это не просто музыкальный инструмент, — она еще и друг, с которым под звуком задушевной песни можно поделиться своими раздумьями, сомнениями, творческими замыслами. Литерические отступления под музыку,

которыми умело пользуется артист, чтобы потом незаметно переключиться на сатирические темы, органически сочетаются с мягкой задушевной манерой.

Конечно, общий уровень эстрадной драматургии сказывается и на репертуаре Муравского. Много еще «сорняков», «огрехов» в отдельных путках конференсье и в устаревших анекдотах, которые рассказывает он иногда со сцены. Но главное в его творческой деятельности — это сатирическое обличение старого, пережитков прошлого, менающих утверждению нового, подлинно социалистического образа жизни. Особенно характерно, что Муравский никогда не поучает, не прописывает никаких рецептов «хорошего поведения».

Весело и оживленно в зрительном зале, когда на сцене Муравский. Ощущение, что он говорит не только о других, но и о себе, не покидает зрителя во время исполнения фельетона В. Полякова «Секрет молодости». Да, артист зло высмеивает людей, прибегающих к арсеналу «омоложения», состоящему из косметических средств, ультрамодных нарядов и «стильных» причесок. Но одновременно он страстно утверждает — подлинная молодость это творческое участие в строительстве новой жизни, тот вклад в общенародное дело, о котором Вл. Маяковский сказал: «Радуюсь я — это мой труд вливается в труд моей республики».

Этим «секретом» творческой молодости обладает и П. Д. Муравский. На седьмом десятке лет жизни он подол боевого задора и дерзания.

Евг. ГЕРШУНИ,
заслуженный артист РСФСР

На снимке: артист П. Муравский
Фото Г. Чергова